

НОВИКОВ Николай Сергеевич, кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. Автор 24 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9481-5128>

КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

В статье представлена актуальная для современного взгляда на мир сфера философской рефлексии, касающаяся специфики взаимодействия сознания и реальности, а также особенностей соответствия мышления его содержательной стороне. Предпринята попытка исторического взгляда на идеи, касающиеся спорных проблем сознания, начиная с воззрений Конфуция и Сократа и заканчивая рассуждениями современных авторов относительно определенных аспектов сознания, приводящих к катастрофическим результатам всю последующую человеческую деятельность. В контексте данной проблемы продемонстрированы различные подходы к взаимодействию человека и общества с окружающим миром, а также исторически возникшие воззрения на варианты гармонизации (идея Космоса как упорядоченной системы миропорядка в Древней Греции и законы Неба в китайской предфилософии). Показаны истоки понимания тех аспектов отношения людей к собственности, в которых можно обнаружить основу катастрофического сознания, характерного для Новейшего времени. Рассматривается формирование и функционирование «имен» в системе бытия, что представлено в теоретических положениях, разработанных А.Ф. Лосевым. Кроме того, анализируются идеи, касающиеся возможностей установления гармонии межчеловеческих отношений в системе социального бытия, в психологии поведения толп и индивидов, их экзистенциальных взглядов, приводящих к действиям, имеющим катастрофические установки. Особое место отводится сравнению теоретических положений Д.С. Соммэра и школы М.К. Мамардашвили. Подробно рассмотрена статья В.П. Визгина о катастрофическом мышлении и основных формах его проявления. В настоящей работе использованы методы компаративистики, исторический анализ, метод междисциплинарного синтеза в соединении с приемами абстрагирования и аналогии.

Ключевые слова: катастрофическое мышление, катастрофическое сознание, «исправление имен», философия имени, мысль, слово.

---

*Адрес: 630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2; e-mail: Nikolai.novikov.87@mail.ru

Для цитирования: Новиков Н.С. Катастрофическое сознание: краткий обзор проблемы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 85–94. DOI: 10.37482/2687-1505-V296

Введение

Человеческое бытие осуществляется во взаимодействии с окружающим миром: природой, социальной организацией, другими людьми, самим собой. В процессе этого взаимодействия складываются оценки результатов от успеха и удовлетворения до осмысления неудач и потерь. Одни следствия человеческой деятельности понимаются как завоевания, другие – как катастрофа. Ожидание одного и желание избежать второго предполагают поиск стратегий действия и гармонии своего существования.

Важным обстоятельством является то, что любая ситуация проходит через сознание людей, порождая мысль о том, что все действия – результат работы сознания и, следовательно, причины как успехов, так и поражений следует искать в сознании общества.

Философская рефлексия с первых своих шагов обращала внимание именно на эту особенность человеческих отношений с миром, поэтому огромная роль отводилась значению и смыслу слов, которые обозначали действия, качества, следствия деятельности людей, что можно выделить даже и в предфилософских рассуждениях о мире, его природе, действиях людей и результатах данных действий.

Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что современное состояние мира, место и роль техники в нем, постепенное выведение человека за пределы личного участия в орудийном его освоении вновь ставят вопрос о путях, формах, способах, позволяющих избежать не только катастроф, но и их зарождения в системе мышления, а также в самом мышлении и сознании в целом. Еще более значим анализ последовательности функционирования и изменения сознания и мышления людей от прошлого и до современности, демонстрирующей, в чем заключался путь понимания и заблуждений в вопросах, которые по справедливости можно назвать судьбоносными в истории человечества.

Цель статьи – предварительный обзор теорий, направленных на выявление причин и оснований катастроф и осмысление приводя-

щих к ним форм и действий, а также предположений, касающихся возможностей достижения желательной гармонии в отношениях с окружающим миром. Необходимо отметить, что формат статьи позволяет главной целью исследования сделать осмысление многообразия подходов к решению проблемных аспектов социального бытия, выявление мировоззренческих аспектов принятия решений, определение роли языка и мышления в понимании стратегий социальной деятельности.

Результаты и обсуждение

Рассмотрение предложенной проблемы выстраивалось с опорой на диалектический метод в том его варианте, который был предложен Г.В.Ф. Гегелем как соотношение изменчивости и устойчивости, что дает возможность сопоставить различные понятия и определения. Кроме того, использовался системно-исторический метод, позволяющий выявить специфику воззрений мыслителей на исследуемый вопрос, а также метод сравнительно-аналитического рассмотрения основных положений каждого теоретического подхода.

Поскольку данная работа носит сугубо обзорный характер, в качестве результата можно принять анализ наиболее известных взглядов в одной из наиболее сложных областей научного познания – в области мышления, сознания, а также соотношения мышления и морали, выражающихся в поступках и действиях людей на разных этапах их исторического бытия.

Проблема катастрофического сознания тесно связана со стремлением человечества к гармоническому состоянию общества на каждом этапе его существования, поэтому данный обзор может сыграть определенную роль в дальнейшей разработке путей и средств преодоления разрушительных тенденций человеческих деяний.

Вопрос о роли катастрофических факторов в изменчивости мира имеет сравнительно недавнюю историю. Обычно называют имена Ж. Кювье (1815) и В. Уэвелла (1832). Оба теоретика обосновывали причины отличия природных процессов настоящего от тех же процессов, происходивших в прошлом (геология,

биология), и обратили внимание на отсутствие переходных форм между ископаемыми и современными видами природных объектов. Начав рассматривать социальные процессы XIX и, особенно, XX века, они заметили, что развитие социального бытия также несет в себе периоды перерыва постепенности, имеющие характер катастрофы. Определенную роль в исследовании проблемы сыграла статья Н.С. Шатского [1], выделившая внезапные вмешательства неких новых причин, отличающихся от тех, что действуют в современном мире.

В XX веке особенно возрос интерес научного сообщества к вопросам сознания и мышления, что привело к рассмотрению сознательной деятельности людей и, соответственно, проблем сознания и мышления, появлению новых теоретических изысканий в этой области, предпринятых психологами, социологами, политологами, философами. Среди публикаций, посвященных данной проблеме, можно выделить «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований)» [2], «Беседы о мышлении» [3] М.К. Мамардашвили, сборник статей Российского открытого университета «Мысль изреченная» [4], фундаментальный труд Ю.М. Лотмана «Внутри мыслящих миров» [5], статью Л.В. Куликова «Катастрофизм в массовом сознании как детерминанта состояния страха» [6], диссертацию Е.В. Положенцевой [7], работу А.Ю. Епифановой «Катастрофическое сознание как фактор формирования жизненных сценариев современной российской молодежи» [8], статью А.И. Пригожина «Феномен катастрофы» [9]. В названных трудах речь идет об участии человеческого сознания в формировании катастрофических процессов в системе социального бытия.

Все стороны взаимодействия человека с реальностью связаны с поисками оптимального решения различных задач, которые часто видятся как путь к наибольшей гармонии всех сторон бытия.

Для Древней Греции основой такой гармонии был Космос – упорядоченное, вычисляе-

мое, уравновешенное начало. Греки полагали, что Космос существует объективно, над ним не властны олимпийские боги, и поэтому человек может только познавать отдельные стороны всемирной гармонии и использовать их в своей деятельности. Пифагор, предложивший формулу «золотого сечения» и рассчитавший принципы музыкальной гармонии, считал, что она отражает «гармонию сфер».

На Востоке вопрос о гармонизации мира решался иначе. Можно считать, что одной из первых теорий в данной области была конфуцианская, для своего времени наиболее последовательно рассмотревшая причины дисгармонии и пути выхода из нее. Для Конфуция исходным пунктом рассуждений было Небо, которое понималось как часть природы и одновременно моральный закон [10]. Путь гармонизации человеческой жизни заключается в том, чтобы возродить традиции предков, познав имена, которые даются действиям, качествам человеческих поступков, поэтому большое значение придавалось понятиям, обозначающим эти поступки. Владеть священным знанием «чжу» дано только «благородному мужу», при этом все формы его поведения должны соответствовать основным ритуалам «ли». Кроме того, благородному мужу присущи долг, справедливость, сыновья почтительность «сяо». Таким образом, гармонизация мира для Конфуция – это воспроизведение законов Неба на земле, соблюдение предписанного порядка. Нарушение этого принципа ведет к природным или социальным катастрофам. Китайский философ разрабатывает сложную систему действий, включающую в себя «исправление имен», точное соблюдение ритуалов, музыку, изучение древних текстов исторического или ритуального характера. Непременным условием является абсолютная искренность, без лицемерия, лжи или тщеславия, что, с точки зрения Конфуция, приводит к гармонии и представляет собой этические нормы социального бытия.

Ничего подобного конфуцианскому образцу гармонии за много веков так и не сложилось ни в европейской мысли, ни в других философских

теориях западного мира, несмотря на то, что в Древней Греции, к примеру у Сократа, было стремление, отдаленно напомилавшее конфуцианский принцип «исправления имен». Именно Сократ во многих своих беседах учил правильному употреблению таких терминов, как «долг», «справедливость», «мужество», «народ» [11, с. 198].

Возникает вполне закономерный вопрос: как же поиски гармонии отношений человека с природой и обществом могли привести к рассмотрению терминов, их верного или неверного понимания, а следовательно, и толкования? Отметим предварительно некое общее положение. Человеческое отношение с окружающим миром в основе своей является отношением сознательным. Следовательно, исходным фактором во всех последующих рассуждениях будет именно сознание. Мышление же выступает как важнейшая его функция. Оно проявляется вовне, выражается при помощи языка. Следовательно, три названных составляющих (сознание, мышление, язык), определяющих все действия человека, не просто взаимосвязаны, но и взаимодействуют и могут фундаментализировать любые результаты человеческих действий, обладая влиянием не только на внешний мир, но и на мышление и сознание в целом, совершая тем самым своего рода обратное воздействие.

А.Ф. Лосев в теоретическом труде «Философия имени» замечал, «что без слов и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием <...> Без слова и имени нет ни общения, в мысли, в разуме, ни тем более активного и напряженного общения. Нет без слова и имени также и мышления вообще» [12, с. 627]. Добавим, что также нет и человеческого отношения с окружающим миром в целом, поскольку «в слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия... В имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер» [12, с. 628]. Это соображение поддерживает интуитивно сложившиеся представления древних о том, что без верного понимания и употребления терминов, без ответственности имен и ритуалов их внутреннему

смыслу нет у человека умения верно управлять, искать и находить адекватные решения задач социального бытия. Следовательно, его деятельность вполне может привести к катастрофе (особенно если еще считать природу одушевленной, способной и «наказать» человечество за небрежность).

В контексте наших рассуждений важно отметить, что еще в XVIII веке на фоне кардинальных изменений в социальной жизни Европы в сознании писателей и мыслителей прозвучали новые вопросы к своему времени. К примеру, герой романа немецкого писателя Фридриха Клингера «Жизнь Фауста, его деяния и гибель в аду» восклицает: «Я хочу знать назначение человека, причину существования зла в мире. Я хочу знать, почему праведник страдает, а порочный человек счастлив. Я хочу знать, почему мы должны искупить минутное наслаждение годами боли и страданий?» [13, с. 236]. Наиболее бурно реагирующий на цивилизационные процессы современного ему социума, Ж.-Ж. Руссо делал попытки выяснить, каким образом человек и его природа участвуют в возникновении неравенства. В своем знаменитом труде «О природе неравенства» (1755) он писал: «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказав: “Это мое”... был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: “Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля – никому!”» [14, с. 68]. Для Руссо счастье человека заключалось в возврате к доисторическому существованию, лишённому искусственных потребностей, которые создает цивилизация. Люди этого времени естественным образом удовлетворяли базовые потребности, не испытывали ни в чем недостатка и не мешали друг другу, не стремились к власти, наслаждаясь покоем в равенстве. Поэтому их существование не вело к войнам, конфликтам, погоне за собственностью, не являясь

«равенством способностей» или физическим равенством, но равенством всех перед жизнью [14, с. 184].

Однако в отличие от Руссо, видевшего гармонию мира в счастья его обитателей, существующих в мире «покоя в равенстве», его младший современник Г. Лебон называл идею равенства «химической», поскольку она, с его точки зрения, вызвала в Европе «гигантскую революцию» и бросила Америку «в кровавую войну за отделение Южных Штатов от Северо-Американского Союза» [15, с. 7]. Считая идею равенства поистине катастрофической в истории человечества, он показывает психологию толпы, в которой идея равенства преобразовала сообщество людей в массу, мало готовую «к теоретическим рассуждениям... зато очень склонную к действиям» [15, с. 166]. Эти действия преимущественно носят разрушительный характер, поскольку «в коллективной душе интеллектуальные способности индивидов... их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества» [15, с. 177]. В данном случае речь уже не может идти об «исправлении имен» или выявлении смысла употребляемых понятий, поскольку «толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ, в свою очередь, вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым» [15, с. 188]. На этом основании, считает Лебон, возникают и развиваются различные легенды, легко искажающие происходящие события, тем более что толпа «не ведает ни сомнений, ни колебаний», а «сила чувств толпы еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной» [15, с. 197]. Еще одной особенностью, характерной для манипуляции сознанием толп, является замеченная Лебоном форма эскалации преувеличенных чувств толпы посредством ораторского воздействия тех, кто в состоянии «злоупотреблять сильными выражениями», «преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями...» [15, с. 198]. Можно с уверенностью утверждать, что

нарисованная Лебоном картина практически полностью совпадает с теми формами сознания, которое современные теории понимают как катастрофическое.

На рубеже XIX–XX веков на фоне социальных, экономических, политических, религиозных, этических, общекультурных и других кризисов сложились новые направления теоретических размышлений о причинах и условиях происходящих в мире перемен, носящих характер катастроф. Складывается углубленный интерес к психической жизни людей, к моральным аспектам их поведения. Наиболее важным началом становятся те деструктивные состояния, которые представляются решающей силой, обуславливающей действия человека в мире. С. Кьеркегор противопоставлял стремление индивида к свободе и тревогу, отчаяние, страх, постоянно сопровождающие всю его жизнь [16]. Поиск гармонии мира обращается поиском душевного покоя, чему могут препятствовать пугающие условия повседневности и собственные душевные состояния субъекта. Впоследствии Ю. Кристева напишет специальное исследование относительно меланхолии и депрессии, сопровождающих поиски смысла в бессмысленном мире [17].

Вопросу о формах разрушения смысла посвящает фундаментальный труд Ж. Делез [18], где значительная часть его рассуждений касается парадоксов мышления и анализа основных форм этих парадоксов.

В конце XX века оформляются различные направления изучения катастрофического сознания. С одной стороны, исследования касаются морали, лежащей в основании поведенческих принципов жизнедеятельности. С другой – изучаются процессы сознания и мышления в качестве специфической сферы, формирующей идеи, вербализующей таковые, прежде чем привести их в действие. На полюсах этих направлений вырисовываются две фигуры: Д.С. Соммэр и М.К. Мамардашвили.

Дарио Салас Соммэр полагает, что гармонизация мира требует сознательного отказа человека от разрушительных идей, возникших

исторически. Он высказывает следующее предположение: «Тот, кто будет жить в соответствии с правилами физики морали, испытает преимущество внутренней гармонии... Он снова ощутит счастье от жизни в полном согласии с природой» [19, с. 18]. При этом утверждается банальная максима: «Эталон успеха уже не будет ассоциироваться исключительно с экономическим изобилием, его понимание расширится и будет направлено на достижение истинной цели жизни – эволюции индивидуального сознания» [19, с. 18]. Согласимся с автором в том, что «любое действие, чувство, мысль или инстинкт могут быть созидательными или разрушительными, неминуемо вызывая естественную реакцию в виде положительного или отрицательного следствия. Поэтому человек – дитя своих поступков в самом широком смысле этого слова» [19, с. 19]. Однако это утверждение приводит философа к субъективистским выводам о том, что достаточно «поверить и согласиться с ним», чтобы в мире возникли желание и стремление к гармонии во всех сферах бытия.

В качестве причин кризисного состояния современного общества Соммер называет несоответствие уровня цивилизации поведению людей (имея в виду тех, кого сам же относит к толпе), дефекты образования, субъективное понимание ценностей и даже «гипнотическое воздействие окружающей среды» [19, с. 77]. В качестве одного из важнейших путей выхода из кризиса, в который погружен, с точки зрения автора, окружающий мир, предлагается некая «физика морали», что, очевидно, должно обозначать «природу морали» (если вспомнить, что *φυσική* переводится с греческого именно как «природа»). Это позволяет понимать природу как одушевленное, духовное начало, что придает предлагаемому термину некий если не трансцендентный, то явно мифологический смысл. Где именно в природе располагается феномен морали, Соммер не объясняет. В поисках путей приобщения индивидуального сознания к «физике морали» автор ссылается на «божью искру», отправляющую мышление нашего современника либо в сферы античной натурфилософии, одушевлявшей ма-

териальные силы природы, либо в религиозное мировоззрение, исключающее научное осмысление мира в целом.

Гораздо более продуктивными в поисках ответа на вопрос о природе мышления, которое по праву носит название «катастрофического», можно назвать рассуждения отечественного философа М.К. Мамардашвили и его школы. Редактор сборника статей, посвященного памяти выдающегося теоретика, В.А. Кругликов отмечает: «Мысль появляется в сознании и благодаря сознанию... Сознание связано с появлением параллельного мнения внутри себя, т. е. “сомнением”, это последнее свидетельствует о наличии в сознании ослабленности чувства веры (доверия) в необходимость мыслить только так, а не иначе. Сознание связано с удивительной ситуацией, когда “на ум” вдруг одновременно приходит два равноправных суждения, два разно-положенных момента истины» [4, с. 7]. Мысль в сознании реализуется в процессе некоей мыслительной работы. Содержание мысли обычно передается словами. Если опираться на известный постулат Декарта «*cogito ergo sum*», то оказывается, что разум является могущественным, поскольку именно он способен объяснить реальность: «Сделать неизвестное – известным, непонятное – понятным» [4, с. 7].

Автор обращает внимание и на феномен несовпадения слов и мыслей (что было замечено уже софистами), приходя к выводу о том, что собственно мысль и сами слова имеют некоторое различие, а в этом случае «вдруг обнаруживается, что слова... сам язык оказывается неадекватными содержанию того, что я желал выразить» [4, с. 7]. Именно это, скорее всего, имел в виду Ф. Тютчев, сказавший: «Мысль изреченная есть ложь».

В более поздней философии все чаще поднимался вопрос о том, насколько соответствует мысль реальности либо мысль – ее содержанию. До сегодняшнего дня многие философы интересуются соотношением желания сказать о чем-либо и его реализации, установлением соответствия конечного результата этому желанию, тем более что высказывание может существовать только в языковом выражении и, как отме-

чает Кругликов, все, что есть в сознании, словами можно как передать, так и скрыть. Язык при этом оказывается не только выразителем мысли, но и ее ограничителем [4, с. 8]. Иначе говоря, важно соответствие не только реальности, но и возникающей и высказываемой мысли.

Для того, чтобы рефлексировать над окружающей действительностью, «необходимо было научиться честно мыслить... Необходимо было овладеть искусством мыслить» [4, с. 9].

Особое место в рассуждениях о мышлении, его истоках и участии в познании мира занимает М.К. Мамардашвили, сформулировавший одну из основных проблем познания как проблему выражения мысли, поскольку от того, как выражена та или иная мысль в словах, зависит и то, явится она истиной или ложью [3].

Рассуждения М.К. Мамардашвили отличаются тем, что они помогают «отрешиться от хитростей собственного Разума» и понять, что философия – это всегда перво-акт мысли. Возможно, впервые в истории философии ставится вопрос о том, что и в каком случае можно считать мыслью. М.К. Мамардашвили говорит об этом следующее: «...то, что я называю мыслью, – это пока еще не расшифрованное нечто, и оно связано с тем, что я параллельно буду расшифровывать как природу и место человека во Вселенной» [3, с. 40].

Однако далее, развивая учение о мышлении, автор замечает, что в процессе деятельности человеческого сознания «побуждение мысли внешне абсолютно похоже на саму мысль», однако «намерение мысли отличается от мысли», поскольку «иметь намерение недостаточно для того, чтобы иметь мысль», так же как и недостаточно побуждения чести для того, чтобы иметь честь [3, с. 45]. Для того, чтобы возникла мысль, «чтобы мы могли начать мыслить, в нас должно происходить нечто, что не есть часть природы...» [3, с. 89], «для акта мысли ворота и двери открываются тогда, когда помотришь в себя, в глубинные основания своего существования и смерти» [3, с. 72]. Пока человек, считает Мамардашвили, не вовлекает себя в сравнение различных вещей и действий, пока

он рассуждает, используя абстрактные понятия, он не мыслит; лишь тогда, когда он свяжет свое существование с теми явлениями, которые ему сопутствуют в жизни, он начинает мыслить [3, с. 72]. Именно абстрактное философствование, исключающее из логических построений реальную действительность, может стать логической основой катастроф любого рода.

Этой проблеме посвящена статья В.П. Визгина в сборнике «Мысль изреченная» [4, с. 167–190]. Автор размышляет над проблемой в жанре притчи, или, как он пишет, литературно-философского опыта, показывая, каким образом абстракции, порождения логических умозрительных построений, которыми поддерживаются социальные иллюзии, подменяют разум верой, «успокаивая тем самым сердца и умы» [4, с. 168], и это становится «удобным экраном от обвала существования, оказавшегося вдруг на краю уничтожения всерьез...» [4, с. 168]. Такого рода философов автор называет «успокоителями от мысли», предлагавшими в качестве единственного начала некий идеал, полагая «что в “земле” нет никакой упрямой и непокорной силы, которая бы деформировала и замутняла идущий с неба свет» [4, с. 169].

В.П. Визгин обращает внимание на два типа философствования, сложившихся в истории науки: философствование жизни (экзистенциализм) и философию рационализма.

Экзистенциалисты утверждали, что «жизнь – абсурд и смысл одновременно, что “она – сразу порядок и хаос, власть и бессилие, жертва и палач”» [4, с. 169]. Другими словами, пользуясь метафорами и широкими обобщениями, невозможно вскрыть истинные основы бытия. Точно так же обращение к предельно общему понятию (Гегель [20]), с точки зрения В.П. Визгина, не делает проблему более ясной. Он считает, что если набросить на бытие всю «категориальную сеть», то окажется, что «сеть безбожно мала и предмет из нее вызывающе выпирает по всем азимутам» [4, с. 169].

Другое направление философии опирается исключительно на разум, и «в результате воз-

никает третий путь: фантазии о катастрофизме, когда само непосредственное существование воспринимается как катастрофа» [4, с. 171].

Говоря о кризисе социальной жизни, мышления, в качестве причины В.П. Визгин выделяет «порочный круг отчужденных от человека экономики и политики» [4, с. 175]. Рассуждая в этом направлении, он противопоставляет любителей старины как панацеи от кризиса и их противников. Ни те ни другие, считает автор, «не смогли решить ни одной актуальной социально-экономической проблемы» [4, с. 176], поскольку лозунги любого характера подобных проблем не решают.

Российский философ усматривает движение к катастрофе не только в названном противоречии, но и в небрежности к реалиям окружающего бытия. Заметим, что «ложь, цинизм, безразличие к горю убивали последнюю жизнь» [4, с. 178].

В.П. Визгин фиксирует некое состояние общества, где люди разделены и не имеют общих цели и ценностей, но при этом получили возможность фиксировать свое состояние, они создают некий «гибридный тип сознания», при котором «горе и отчаяние... заставили поверить в Долг – в долг доживать, не скуля и не злобствуя» [4, с. 183]. Таким образом сформировалась особая форма сознания, при которой состояния мира не могут быть обозначены словесно, так чтобы они соответствовали действительности, и появляется опасность того, что действительность будет развиваться по своим внутренним законам, а общество продолжит описывать эту действительность в терминах, которые не вскрывают проблем и не предлагают нужных действий для их решения.

Катастрофичность такого мышления заключается в противоречиях мысли, чувства, желания, воли и действия, результатом становится силовое разрешение конфликтов, избежать которых оказывается невозможно.

Заключение

Подводя итоги краткого обзора проблемы, можно заметить, что в истории философских учений периодически возникал в той или иной форме вопрос о соответствии слова, единствен-

ного «строительного материала» мышления, двум его спутникам: собственно мысли и реальной действительности. Практически вся эпистемология наполнена теориями, рассматривающими их соответствие, начиная с устремлений Конфуция к «исправлению имен» и рассуждений Сократа о соответствии слов их внутреннему смыслу, споров между номиналистами и реалистами, «Размышлениями о методе» Декарта и, как видим, вплоть до концепций современных философов. Если слово следует за мыслью, то, в конечном счете, оно ведет к действию. Правильность слова, обозначающего некие реалии Вселенной или состояния человеческого духа, становится залогом верного действия. Ю.М. Лотман говорил о необходимости «перевода языка источника на язык исследователя» [5, с. 437], причем «язык источника» – это вся система окружающего мира, а исследователем в подобном мире может стать каждый, кто излагает свои соображения о мире. Расхождения между словом и реалиями бытия, между жизнью и лозунгом могут стать катастрофой целого общества, что демонстрирует история различных эпох и государственных устройств.

Практическая направленность предложенного обзора теорий, посвященных названной проблеме, заключается в том, чтобы обосновать дальнейшие пути и средства выработки оптимальных методов принятия решений в самых различных областях человеческой деятельности, а особенно в тех ее аспектах, которые осуществляются в различных стратегических сферах: при управлении производственными и социальными сторонами человеческого бытия, в сфере образования, природопользования и т. д. Не менее важно и умение выразить эти решения в адекватных «именах», наиболее полно осмысляющих реальный мир. Предлагаемый обзор разработанных теорий призван продемонстрировать уже пройденные человечеством пути в данном направлении.

Со своей стороны отметим, что важнейшей проблемой каждой эпохи и ее философии становится поиск истины, которая выражена единственным необходимым словом.

Список литературы

1. Шатский Н.С. О неокатастрофизме: (К вопросу об орогенетических фазах и о процессе складкообразования) // Проблемы сов. геологии. 1937. Т. 7, № 7. С. 532–551.
2. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. М.: МОНФ, 1999. 347 с.
3. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019. 578 с.
4. Визгин В.П. Катастрофическое сознание (философско-художественный опыт) // Мысль изреченная: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Кругликова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1991. С. 167–190.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука-Классика, 2022. 448 с.
6. Куликов Л.В. Катастрофизм в массовом сознании как детерминанта состояния страха // Личность в экстрем. условиях и кризис. ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 66–75.
7. Положенцева Е.В. Культурные ориентиры катастрофического сознания: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2003. 151 с.
8. Епифанова А.Ю. Катастрофическое сознание как фактор формирования жизненных сценариев современной российской молодежи // Соц.-экон. явления и процессы. 2013. № 8(54). С. 160–163.
9. Пригожин А.И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Обществ. науки и современность. 1994. № 2. С. 75–96.
10. Конфуций: суждения и беседы / исслед. А. Маслова, пер. П. Попова. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 304 с.
11. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.А. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 [2] с.
12. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
13. Рейман П. Основные течения в немецкой литературе. 1750–1848 / пер. с нем. О.Н. Михеевой; под ред. и с предисл. А.С. Дмитриева. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 524 с.
14. Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства (= De l'inegalité parmi les hommes) / пер. с фр. Н.С. Южакова; под ред. и с предисл. С.Н. Южакова. СПб.: Светоч (Типо-лит. А.Э. Винеке), 1907. XXIV, 166 с.
15. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Эксмо, 2023. 352 с.
16. Кьеркегор С. Страх и трепет: [этические трактаты]. М.: Республика, 1993. 383 с.
17. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алтейя, 2003. 256 с.
18. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. М. Фуко. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. 480 с.
19. Соммер Д.С. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2020. 480 с.
20. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. Объективная логика. 691 с. Т. 2. Субъективная логика. 800 с.

References

1. Shatskiy N.S. O neokatastrofizme: (K voprosu ob orogeneticheskikh fazakh i o protsesse skladkoobrazovaniya) [On Neocatastrophism: (To the Issue of Orogenetic Phases and the Process of Folding)]. *Problemy sovetskoy geologii*, 1937, vol. 7, no. 7, pp. 532–551.
2. Shlyapentokh V.E., Shubkin V.N., Yadov V.A. (eds.). *Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v kontse XX v. (po materialam mezhdunarodnykh issledovaniy)* [Catastrophic Consciousness in the Modern World in the Late 20th Century (Based on International Research)]. Moscow, 1999. 347 p.
3. Mamardashvili M.K. *Besedy o myshlenii* [Conversations About Thinking]. St. Petersburg, 2019. 578 p.
4. Vizgin V.P. *Katastroficheskoe soznanie (filosofsko-khudozhestvennyy opyt)* [Catastrophic Consciousness (Philosophical and Artistic Experience)]. Kruglikov V.A. (ed.). *Mysl' izrechennaya* [A Thought Once Spoken]. Moscow, 1991, pp. 167–190.
5. Lotman Yu.M. *Vnutri mysl'yashchikh mirov* [Within the Thinking Worlds]. St. Petersburg, 2022. 448 p.
6. Kulikov L.V. *Katastrofizm v massovom soznanii kak determinanta sostoyaniya strakha* [Catastrophism in the Mass Consciousness as a Determinant of Anxiety]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti*, 2015, no. 5, pp. 66–75.
7. Polozhentseva E.V. *Kul'turnye orientiry katastroficheskogo soznaniya* [Cultural Guidelines of Catastrophic Consciousness: Diss.]. Rostov-on-Don, 2003. 151 p.
8. Epifanova A.Yu. *Katastroficheskoe soznanie kak faktor formirovaniya zhiznennykh stsenariyev sovremennoy rossiyskoy molodezhi* [Tragic Consciousness as Factor of Formations of Vital Scenarios of Modern Russian Youth]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2013, no. 8, pp. 160–163.
9. Prigozhin A.I. *Fenomen katastrofy (dilemmy krizisnogo upravleniya)* [The Phenomenon of Catastrophe (Crisis Management Dilemmas)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1994, no. 2, pp. 75–96.

10. *Konfutsiy: suzhdeniya i besedy* [Confucius: Arguments and Conversations]. Rostov-on-Don, 2006. 304 p.
11. Plato. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow, 1994. 654 p.
12. Losev A.F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Cosmos]. Moscow, 1993. 958 p.
13. Reimann P. *Hauptströmungen der deutschen Literatur, 1750–1848*. Berlin, 1956. 856 p. (Russ. ed.: Reyman P. *Osnovnye techeniya v nemetskoj literature. 1750–1848*. Moscow, 1959. 524 p.).
14. Rousseau J.-J. *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*. Amsterdam, 1755 (Russ. ed.: Russo Zh.-Zh. *O prichinakh neravenstva*. St. Petersburg, 1907. XXIV. 166 p.).
15. Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples and Crowds]. Moscow, 2023. 352 p.
16. Kierkegaard S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow, 1993. 383 p.
17. Kristeva Yu. *Pouvoirs de l'horreur. Essai sur l'abjection*. Paris, 1980. 251 p. (Russ. ed.: Kristeva Yu. *Sily uzhasa: esse ob otrashchenii*. St. Petersburg, 2003. 256 p.).
18. Deleuze G. *Logique du sens*. Les Éditions de Minuit, 1969 (Russ. ed.: Delez Zh. *Logika smysla*. Yekaterinburg, 1998. 480 p.).
19. Sommer D.S. *Moral' XXI veka* [Morals for the 21st Century]. Moscow, 2020. 480 p.
20. Hegel G.W.F. *Nauka logiki* [Science of Logic]. St. Petersburg, 1997. Vol. 1. *Ob'ektivnaya logika* [Objective Logic]. 691 p. Vol. 2. *Sub'ektivnaya logika* [Subjective Logic]. 800 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V296

Nikolay S. Novikov

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation;
ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato 6/2, Novosibirsk, 630114, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9481-5128> e-mail: Nikolai.novikov.87@mail.ru

CATASTROPHIC CONSCIOUSNESS: A BRIEF OVERVIEW OF THE PROBLEM

This article presents the relevant for the modern worldview sphere of philosophical reflection on the interaction between consciousness and reality as well as on the way thinking matches its content. The author takes a historical look at the ideas concerning the controversial problems of consciousness, from the views of Confucius and Socrates to the reasoning of modern authors about certain aspects of consciousness leading all subsequent human activity to catastrophic results. In the context of this issue, various approaches to the interaction of human and society with the outside world are demonstrated, as well as the historically developed views on harmonization (the idea of the cosmos as an orderly system of world order in ancient Greece and the laws of Heaven in Chinese pre-philosophy). The paper traces the origins of understanding those aspects of people's attitude towards property in which one can find the basis for the catastrophic consciousness characteristic of our time. The formation and functioning of "names" in the system of existence is considered, which is presented in the theoretical principles developed by A.F. Losev. In addition, the paper analyses ideas about the possibility of achieving harmony in human relationships in the system of social existence and in the psychology of behaviour of crowds and individuals, as well as the existential views of the latter leading to actions with catastrophic attitudes. Moreover, the theoretical positions of D.S. Sommer and M.K. Mamardashvili's school are compared. V.P. Vizgin's article on catastrophic thinking and its main forms of manifestation is considered in detail. This paper uses comparative methods, historical analysis and interdisciplinary synthesis in combination with the techniques of abstraction and analogy.

Keywords: *catastrophic thinking, catastrophic consciousness, rectification of names, philosophy of name, thought, word.*

Поступила 02.05.2023
Принята 19.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 2 May 2023
Accepted 19 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Novikov N.S. Catastrophic Consciousness: A Brief Overview of the Problem. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 85–94. DOI: 10.37482/2687-1505-V296